

„Литва же обѣщася ему тако сотворити и ркуче: Володимере добрый княже правдивый можемъ за тя головы своѣ сложити, коли ти любо, осе есмы готовы“.¹ „Сказание“ дает обычную, обязательную в современном ему языке формулу — и только. Ее отсутствие в записях былин XIX в. объясняется тем, что идеология крестьянина XIX в. отличается от идеологии того „посадского“ или служилого человека, который записывал „Сказание“ в XVI—XVII вв.

Среди вопросов, которые задают цареградские богатыри Илье с товарищами (переодетыми в каличье платье) о киевских богатырях, есть такие: „и каковы онѣ [киевские богатыри] ростом прытостью“ (стр. 18) и дальше: „есть ли у вас славной богатырь Ильа Муромец каков онѣ рожаем“ (стр. 19). Слово „прытость“, как и многие другие из приведенных выше, отсутствует в известных нам письменных памятниках до XVIII в. Здесь оно встречается у Посошкова, в переводных повестях, в письмах Петра I.

„Каков онѣ рожаем“, т. е. каков он по своим природным качествам, свойствам. В Ипатьевской летописи под 1196 г. в характеристике умершего князя Всеволода Святославича говорится: „и тако спрятавшие тѣло его вся братья во Олговичех племени, с великою честью и с плачем великимъ и рыданиемъ, понеже бо во Олговичехъ всихъ удалѣе рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ“.² В текстах XVIII в. вместо слова „рожаем“, уже непонятного, так как слово умерло в живом языке, в одном случае поставлено „рожею“: „каковъ онѣ рожею и ростом“ (Бул. XVIII, стр. 51), а в другом — в ответе Ильи на общий вопрос Идола — „каковъ у васъ во градѣ киевъ богатырь ильа“ находим: „ростомъ он с меня великъ, а лицемъ на меня же походилъ“ (XVIII в. 2, л. 2).

Наличие в „Сказании“ элементов, которые связывают его с предшествующими ему письменными памятниками, содержащими элементы живой устной речи или элементы устного поэтического творчества, и выступают в органической и неразрывной связи с теми, которые характеризуют записи былин XIX—XX в. и современные диалекты, может говорить только об одном: текст „Сказания“ XVII в. является записью устного произведения и отражает те формы былин, которые характеризуют XVI—XVII вв.

„Книжные“ места, отмеченные исследователями в „Сказании“, имеют совсем особый характер. Вот как изображается страх цареградских богатырей перед битвой: „сердце ся у меня ужаснуло трепещется и голова в круг обходит и очима не мощно на свѣтъ глядѣть“, говорит Идол Скоропеевич (стр. 33); Тугарин прибавляет: „большое нам товарищи коли б смерти минутис ли ся храбрость наша преложиса на тихость не мощно руки поднять скоро нас страсть взяла“ (стр. 33) и далее: „учалися твердо бить и неподвижно“ (стр. 34). Акад. А. Н. Веселовский сопоставляет фразу „ли ся храбрость наша преложиса на тихость“ с фразой из сербской „Александрии“: „жалость моя на радость преврати се“. Но и без этого сопоставления книжный характер фраз ясен. Славянизмы „преложиса“, „минутис“, отвлеченные существительные на — *ость*, отдельно стоящая частица *ся* — все говорит о том, что автор оригинала воспользовался своим знанием книжного языка, вероятно, желая усилить краски, которыми нарисована была слабость цареградских богатырей в былине. Но вместе с этим здесь легко обнаружить и элементы живой речи автора. „Голова вкруг обходит“, — говорит Идол Скоропеевич: сочетание, очень близкое

¹ Полн. собр. русск. лет., II, стр. 888—889 и далее 928, 929 и т. п.

² Полн. собр. русск. лет., т. II, СПб., 1908, стр. 696.